

СМЕНИ!»

НА СМЕНУ
г. Свердловск

3 АПР 1975

СМЕНИ!»

...И МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

МИРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я ЗНАЛА, что Наум Львович Комм работает вот уже более 20 лет заведующим музыкальной частью в Свердловском драматическом театре, знала и то, что этот человек написал музыку более чем к 18 спектаклям. Но главный наш разговор начался с аккордеона. Да-да, с обыкновенного аккордеона, вернее нет, аккордеон был не совсем обычный: большой, с витиеватыми искривлениями буквами «Пауле Сопрани» — Италия... Наум Львович бережно, точно ребенка, взял его на руки, осторожно пробежал пальцами по старым, слегка потускневшим клавишам и улыбнулся:

— Это мой старший боевой друг. Мне его наши танкисты подарили, когда мы уже в Германию вошли. Представляете, они ехали на бронемашине с радиоаппаратурой; вдвоем там еле-еле помещались, такая теснота. А ребята (хотя официально посторонние вещи иметь в машине запрещалось) везли аккордеон, держа его на весу. Мне в подарок. Вот с тех пор и не расстаюсь с ним. Знаете ли, память о войне...

Так мы заговорили о войне. — Сейчас в вузах отработают трудовые семестры. Когда я учился, студенты тоже работали, а уж в войну особенно. Но даже в это грозное время нас, учащихся консерватории, продолжали оберегать от тяжелой физической работы. Руки — самую большую ценность музыканта —

надо было беречь. И вот представьте, вчера эти руки держали диплом об окончании консерватории, а сегодня — автомат.

...Вы спрашиваете, почему я пошел на фронт не как музыкант, а как простой боец? Ну, во-первых, в танковом корпусе, где я служил, не было такой должности — музыкант. А я хотел именно туда. Понимаете, корпус был Уральским добровольческим. Здесь были люди, не подлежащие мобилизации, те, кто, несмотря на бронь, все равно шел в бой. Корпус был детищем Урала, и нам отдавали последнее, все то, что доставалось огромным трудом: обувь, шинели, автоматы, танки... Тогда мне было чуть больше двадцати, и я считал, что такой здоровый парень, как я, должен стрелять, а не играть.

...На войне тяжело всем. Я не был исключением. Что греха таить, я оказался абсолютным неспособленным. Первое время все пытался руки беречь, потом понял: война изнеженных не любит. Плюнул на все и... наверное, поэтому все же сберег их. Поначалу меня зачислили в батальон автоматчиков — десантников. Именно здесь я начал проходить военную науку. Но не только науку боя — науку человеческих взаимоотношений.

Помню, сделали нам прививки от тифа. Кто как пере-

нес, а я заболел, лежу на нарах и пошевелиться не могу. А в это время ротный меня к командиру вызывает. Я ему объясняю, что встать не могу, а он и слушать не хочет. Сполз я с нар с грехом пополам, подхожу к командиру Василию Яковлевичу Фирсу, а он посмотрел на меня сочувствующе и говорит: «Что, болеете? Ну, ложитесь, ложитесь, выздоравливайте быстрее». Знаете, у меня словно половину боли от его участия сняло. Я ведь шел на войну и думал, что теперь все наши человеческие слабости нужно выкинуть вон. Никто с тобой носиться не будет — не до этого. И вдруг оказалось, что гуманность, доброта, любовь на фронте еще сильнее. Каждый чувствует ответственность друг за друга, потому что все живы единой ненавистью и единой любовью.

...Фронтовой друг — это, по-моему, друг навсегда. Нас было трое консерваторских: Николай Гребенщиков, Иван Овчинин и я. Моим самым близким другом был Иван. Круглый сирота, проживший очень трудную жизнь, добившийся всего своими руками, он был удивительный романтик. А я думаю, что на войне это качество не менее важно, чем, например, смелость. Представьте, сидим мы в окопе, холодно, пули свистят, а Иван мечтает.

— Вот кончится война, приеду в Свердловск, получу диплом (до окончания ему оставалось сдать только один экзамен) и начну работать. Слушать буду не сирену и не грохот орудий, а Бетховена, Чайковского, Шопена...

Дожить до этого ему не пришлось. Он погиб уже в Германии, погиб случайно и мгновенно, даже не успев понять, что музыки больше не будет.

...А вы знаете, именно с Ваней Овчининим я написал свою, по сути говоря, первую песню. Когда наш корпус отправляли на фронт, каждый, даже небольшой городок Урала старался что-нибудь пода-

рить добровольцам. И вот в Златоусте нам сделаны ножи, обычные ножи с черной ручкой для всяких бытовых нужд. Но этими ножами не только резали хлеб, с ними ходили врукопашную. И вот как-то раз после такого боя мы написали песню «Черные ножи». Я до сих пор пою ее в своих выступлениях и всегда говорю: «Это память о моем друге».

...По-моему, неправильно многие считают, что война порождала только ужасы, она развивала и тягу к прекрасному. Странно? Пожалуй, нет. Просто, когда человеку особенно плохо, он ищет успокоения в хорошей песне, умных стихах. Честно говоря, когда я шел на фронт, думал, что буду только бойцом, а оказалось, что как артист я нужен не меньше.

Из батальона автоматчиков я был переведен в санитарный батальон, занимался транспортировкой раненых. Тут-то у нас и образовался ансамбль, руководил которым адъютант командующего Н. А. Улахов. Сейчас мы все ищем таланты, а тогда они сами находились. До сих пор помню Володю Яковлева, сейчас, кажется, на Уралмаше работает, Розу Нотку, здорово так пела «Галочку-уралочку» К. Кацман. А вот Валя Лебедев стал профессиональным артистом, после войны 10 лет играл в оркестре Утесова, теперь играет в оркестре «Голубой экран».

Как нас принимали? А как обычно встречают артистов на войне? Им рады везде и всегда, особенно своим, «доморощенным». Час назад какой-нибудь Саша или Володя лежал с тобой в одной траншее, шел

в атаку, яростно крича: «Бей фрицев!», а сейчас стоит и поет очень красивым чистым голосом песню о синеглазой девочке или о дальней родимой стороне.

...Да, музыка была со мной. Всю войну мечтал я сесть за фортепьяно. И вот, помню заняли мы как-то один польский городок, зашли в одну из квартир, а там рояль, старинный, красивый. Поверите, сердце забилось так, словно родное что-то нашел. Открыл крышку, дотронулся до клавиш — и будто нет ни войны, ни выстрелов, ни смерти. Наверное, таким и увидел меня художник Виталий Цигаль. Он нарисовал наш танковый корпус, а потом эти рисунки были собраны в альбом. Видите, разрушенная квартира и я, играющий на рояле. Вот какой я был: сапоги здоровые, гимнастерка мешком. Ну, абсолютно ничего военного...

ВОЙНА давно кончилась, и уже подрастает третье поколение, не видевшее ее. А Наум Львович ее знал. Он прошел от Урала до Берлина, но так и не приобрел военную выправку, не научился носить гимнастерку с тем же изысканием, что и вечерний костюм. Он навсегда остался артистом. Но иногда, по торжественным дням, он вынимает из ящика стола девять медалей и орден Красной Звезды — боевые награды мирного человека. Наденет он эти награды и 9 мая — в день 30-летия нашей Победы.

И. ЛЕВИТ.

На снимке: солдат Уральского добровольческого танкового корпуса Наум Комм. Германия, 1945...